

## НЕУЖЕЛИ ВЫ ПРИДАЕТЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВАМ?

Анатолий Шальто недавно издал «Заметки о мотивации». Жанр заметок для многих из нас остался далеко в прошлом: во временах литературной критики 19 века, в публицистике и журналистике 20-го... Но заметки Шальто более чем современны. Он в нашем времени, в современной культурной кодировке, только в других – своих особых – значениях и смыслах. Мы говорим с Анатолием Абрамовичем о мотивах и ценностях нового поколения. О тех людях, кто учится сейчас самому важному: быть личностью, быть новым представителем России.



**Анатолий Шальто,**  
профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой «Технологии программирования» Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (СПбГУ ИТМО), лауреат премии Правительства РФ в области образования

– У большинства людей хроническая безответственность, – грохочет Анатолий Абрамович. – Или ответственность только в одну сторону: когда самому что надо. Как вы считаете: много ли думают друг о друге куры и тигры? Вряд ли. У нас в обществе сейчас все сводится к такому распределению ролей – к общности, как между курами и тиграми. Поступать, как тебе удобно или как умеешь, это наша поведенческая норма. У меня был сосед. Позвал он меня как-то в баню. В условленное время я вышел на улицу и стал его ждать. Прошло полчаса, мне стоять надоело. Я позвонил ему и спросил, что происходит. Ответ меня поразил: «Разве ты придаешь значение словам?».

Теряется чувство коллектива, чувство ответственности за свои поступки! Наши дети живут в отдельных самостоятельных реальностях. Общего ориентира нет. Вот пример: наша молодежная сборная выиграла недавно чемпионат мира по хоккею. Мы все видели, как они праздновали победу. Но вряд ли кто-то из них так был рад, какой его теперь возьмут без вступительных экзаменов в академию Лесгафта. Они, похоже, мечтают о другом... Подобная реакция на победу отдает горьким привкусом.

### – В «Заметках» Вы попробовали наметить нужные ориентиры?

– Когда моя книжка попадает в руки родителям, то они находят там не ориентиры, а оценки. Например: могут ли люди, которые привыкают к твиттеру и мыслят в объеме не более 140 знаков, спроектировать и построить атомную подводную лодку с ракетами, попадающими в цель? Или спроектировать и построить ГЭС? Или нам не нужны лодки и станции? Довольно того, что мы научились как-то читать и писать, чтобы пользоваться Интернетом? Кто из нынешней молодежи читает Толстого, Достоевского, Бунина? Сознание кардинально поменялось. Для того чтобы построить лодку, надо долго и упорно учиться, трудиться, заниматься тем, что не модно. Да еще и получать за это суммы, которые рядом не стоят с гонорами хоккеистов или футболистов.

### – А что могут эти дети в себе изменить?

– Наверное, ничего. Они же не откажутся от Интернета и от современной цивилизации в целом. Уже сегодня мало кто из них способен смотреть фильмы отличные от тех, что идут в широком прокате. Пока они столь популярны, говорить о переменах не приходится. Недавно один мой выдающийся выпускник доказывал мне, что «Шрэк» – это произведение искусства, и я его не понимаю только потому, что не владею английским на нужном уровне. На что я ему возразил, что однажды Горький сказал о Шалапине: «Даже если бы он пел только два слова «Отче наш», я его буду слушать вечно». Это к тому, что язык настоящего искусства не имеет отношения ни к английскому, ни к французскому, ни к русскому...

Меня удручает, когда молодые люди за первоисточник принимают произведение современного шоу-бизнеса. Например, Кот в сапогах для них не герой сказки Перро, а герой из мультика «Шрэк». То есть «Шрэк» превращается в Библию или в «Иллиаду»... Они не понимают, что такого даже вслух нельзя произносить. «Иллиада» – это вершина человеческой мысли. А вот создателей продуктов шоу-бизнеса можно даже не спрашивать, зачем они его создавали. Это не произведение искусства, а коммерческий проект. Лев Толстой сказал: «Искусство от неискusstва отличается чуть-чуть». Так это было раньше. Сейчас это просто разные вещи.

### – Как научить различать?

– Я не знаю как. Пока я понимаю только одно: это должно быть потребностью человека. В детстве и юности я сам ходил в музеи, театры, филармонию. Никто меня не заставлял и не воевал. Но дома родители поощряли мое стремление, им нравилась моя потребность. Поэтому, наверное, только сам человек и его близкое окружение может повлиять на личностное становление. Думаю, что у человека должна быть

потребность что-то сделать в своей жизни. Вечный отпуск, отдых, развлечения – это не цель в жизни. Сейчас есть та же филармония, те же театры, музеи. Но ведь в основном ходят в кино, причем в то, которое проще. Алексей Герман-старший пришел однажды в аудиторию, отбирать себе студентов на курс. Задает вопрос: «Кто такой Бергман?». В аудитории ни одной руки! Ни один человек не знает. Куда и зачем пришли эти ребята? У них есть потребность в кино, в искусстве? Или в том, чтобы сниматься в сериалах, получать приличные деньги и быть узнаваемыми?

Лет 10 назад ко мне пришел молодой талантливый человек. После долгих разговоров выяснилось, что он не был в Русском музее. То есть вроде и был, но он не уверен, что это был Русский музей. Я решил, что он иногородний. Оказалось, нет. Тогда мне стало интересно, где же он учился? Ответ меня поразил: я понял, что из окон его лица Русский музей не виден. А то, что не видно, то вроде бы как и не существует... И потребности увидеть и узнать нет. Молодой Лев Ландау поступал с подобными студентами так: спрашивал, кто написал «Евгения Онегина»? Если студент не знал, его выгоняли с экзамена. Вскоре руководство института возмутилось этим, а Ландау ответил: «Если он не знает автора «Евгения Онегина», что он вообще может знать?».

Потом я провел такой эксперимент: один мой студент написал плохую курсовую работу. Но человек он талантливый и мне нравился. Я спросил, был ли он в Русском музее? И он оказалось, что был! Тогда я ему предложил отвести в музей того юношу, который не был уверен, что там был. С этим условием я обещаю помочь ему с курсовой работой. Его это устроило, и они сходили в музей!

К разговору подключается **Владимир Парфенов** (Владимир Глебович Парфенов, доктор технических наук, профессор, декан факультета информационных технологий и программирования СПбГУ ИТМО – прим. ред.):

– В этом году мы набрали на первый курс 55 человек. Это выпускники с огромным проходным баллом: от 286 до 290. После первого семестра я спрашиваю у своих преподавателей: сколько из первокурсников получится программистов? У меня уточняют: какого уровня? А я вспоминаю: в советские времена в магазине не приходилось спрашивать в магазине, какой у них есть сыр, потому что он был одного сорта! С нашими программистами также: можно спрашивать лишь о том, сколько из 55 человек станут просто программистами...

### – Диагноз поколению поставлен? И...

– Не поколению, а большинству. Потому что вот рядом с нами в этой комнате сидят такие изумительные дети, как Федор Царев и Максим Буздалов, они

ведь тоже из этого поколения. У нас на кафедре работают и другие прекрасные молодые люди, например, Андрей Станкевич, Георгий Корнеев, Павел Маврин, но их мало. А относительно большинства, видимо, ничего изменить нельзя. Как правильно сказал ректор Владимир Николаевич Васильев (ректор СПбГУ ИТМО – прим. ред.), вы должны придумать методы проектирования подводных лодок и ракет для людей, которые мыслят по 140 символов. Такая вот задача, представляете? Создать методологию для тех, кто сам не в состоянии, потому что таких большинство.

### – Когда же все сдвинется в положительную сторону?

– Когда в тусовке станет модно, по крайней мере, говорить о инновациях. Сейчас в Кремниевой долине это модно! Но уже не говорить, а создавать их. Это соответствует имиджу успешного человека! Модно вести основной проект и еще три стартапа одновременно! Кто в России способен так работать? Когда это станет нормой нашей жизни, тогда можно надеяться на улучшение. А для того, чтобы человек мог так работать, нужно создавать ему условия, что мы и делаем для детей, которые работают рядом с нами.

### – А что скажете про воспитанность и обязательность молодежи?

– Отвечу историей. Когда мы получили премию Правительства РФ в области образования, объявление об этом событии висело при входе в университет две недели. Никто из студентов не поздравил нас. Но при этом, когда я принимал зачет у одной группы, они, пока я выходил из аудитории, поставили мне на стол в качестве «новогоднего подарка» бутылку дорожной водки. Вот что получается: поздравлять с достижением их не научили, а вот давать взятки... Водку я не взял, чем, по-моему, сильно удивил их. А про обязательность я вообще не говорю: когда сегодня молодой человек говорит «да», это даже не «может быть», это просто ничего не значит.

Похоже, что обязательность столь тонкая материя, что ею обладают лишь единицы. С другой стороны, студенты мне пишут и такие строки: «Анатолию Абрамовичу! Спасибо за то, что Вы привили мне все самое важное». Как это сопоставить? У меня вывод один: **писать такое не трудно, даже говорить такое не трудно, а вот, поступать так трудно**. При этом я отдаю себе отчет, что имею дело с одними из лучших детей в России, а то и в мире. Если самые лучшие такие, то что с остальными делать? Раньше я думал, что с такими вещами очень просто бороться: например, сделать витаминный укол, и все, а теперь понял, что этого мало – что-то внутри надо подкручивать, но еще не понял, кому и где... ■